

М А Р І Я

и

Г Р А Ф Ъ М - В Ъ,

или

НЕЩАСТНАЯ РОССІЯНКА;

ИСТИННОЕ ПРОИЗШЕСТВІЕ.

Сочиненіе Г-жи *Радклифъ*.

Переводъ съ Англійскаго

В. Озерова.

М О С К В А.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.

1 8 1 0.

Съ одобренія Ценсурнаго Комиссi-
та, учрежденнаго для Округа Им-
ператорскаго Московскаго Уни-
верситета.

~~~~~

М А Р І Я,
НЕЩАСТНАЯ РОССІЯНКА.

Нвинность дѣвицы есть волшебный замокъ, коего твердосць зависящъ наиболѣе отъ уваженія, которое видѣ его раждаетъ въ добродѣтельныхъ сердцахъ. Люди, незнающіе добродѣтели и чести, первые посягають на непорочность. Средства, употребляемые ими для разрушенія сего волшебства, суть ласкъ и кляшвен-

ные увѣренія въ ихъ вѣрности. Обманъ успѣваешь; прелестный замокъ колеблется и падаетъ.

Обратимъ взоръ на послѣдствія толь пагубнаго обольщенія. Прекрасная дѣвица воспитава въ глазахъ нѣжнѣйшихъ родителей; она склоняется на увѣренія мужчины, что будетъ его супругою; этого мало; она даже ему дозволяетъ обмануть себя безъ сего увѣренія. Нѣжные родители плачутъ о такомъ несчастіи, шерзаютъ волосы и изгоняютъ изъ дому свою дочь. Они плачутъ о безславіи, на-

несенномъ ихъ имени, и для удаленія его употребляютъ средства, умножающіе ихъ безчисліе. Они выгоняютъ свою дочь для того, чтобы дать ей поводъ вступать чаще въ пресшупки.

Исторія Маріи, несчастной Россіянки, немногимъ извѣстна. Она даетъ самый разительный урокъ родителямъ и изображаетъ вредные слѣдствія излишне суроваго обхожденія съ дѣтьми. Причиною несчастій Маріи былъ страхъ испытать жестокости отца, у котораго она была одна дочь.

Маріи съ самыхъ юныхъ лѣтъ дано было лучшее воспитаніе попеченіемъ лучшей матери, которая въ своей дочери находила другую себя, и любясь всегдашнею улыбкою на ея щекахъ и устахъ, думала, что ея душ. будешь вѣрнѣйшимъ оппечашкомъ души ея матери.

Эта добродѣтельная мать скончалась. Съ смершію ея Марія лишилась нѣжнѣйшихъ попеченій, и ошъ пріятнаго круга знакомыхъ, ошъ обращенія съ милымъ Графомъ М., который ею возхищался, увезена была ошцомъ своимъ

въ дальнее его помѣстѣ, лежавшее между пуспынь Сибири.

Здѣсь, окруженная степями, и не находя предметовъ, кои бы въ глазахъ ея равнялись сколько нибудь прошедшимъ ея удовольствіямъ, прекрасная Марія сушила грудь свою вздохами и омочала подушку слезами.

Присутствіе Графа М. развеселило бы сіи пуспыни и ея тоску. Но обманутое любочестіе произвело раздоръ между двумя фамиліями, и въ домѣ Барона, отца Маріи, запрещено было упоминашь даже имя Графа М. Ненависть его къ со-

пернику своему, опцу молодого Графа, просширалась до того, что не могла побѣждена быть любовію къ своей дочери. Сія ненависть заставила его вовсе забыть о помѣ союзѣ, который, какъ онъ зналъ, былъ сильнѣйшимъ желаніемъ юныхъ сердецъ; лице его померчалось гнѣвомъ, какъ скоро онъ примѣчалъ, что кто-либо изъ его родныхъ не желалъ погибели дому Графа.

Сія злоба опца была источникомъ всегдашней грусти Маріи. Въ угодность ему она старалась показывать холодность къ предмету своей люб-

ви, и между тѣмъ въ безмолвіи посковала и сохла. Ничто не могло возвратить тѣхъ розъ, которыя до сего цвѣли на ея щекахъ; одни помныя улыбки были печальнымъ напоминаніемъ той веселости, которая блистала на лицѣ ея въ щастливѣйшее время. Это невинное веселіе, чуждое оскорбительныхъ предчувствій, родившееся въ нѣдрахъ юности и съ нею исчезнувшее, никогда уже не возвращалось. Судьба не позволила даже Маріи наслаждаться благополучіемъ, на которое добродѣтель ея давала ей право. Напрасно нѣжная

мать посѣлила въ ней всѣ благородные чувства; напрасно Природа одарила ее красою и возвысила душевныя ея способности; напрасно щастіе распочило для нея богатства, наградило большимъ имѣніемъ и множествомъ рабовъ, копорые падали къ ея ногамъ, лишь только она показывалась. Презрѣннѣйшему изъ сихъ рабовъ доспалось обладать Марією.

Графъ М., влекомый любовью, презривъ всѣ опасности, коимъ подвергался для свиданія съ Марією, и, оставивъ подмосковное свое помѣстье, спѣшилъ туда, гдѣ долженъ

былъ видѣть своего Ангела, переодѣтый въ кресшьянское плащье. Домъ Барона былъ уже въ виду у него и сердце его задрѣпело. Графъ не зналъ боязни; какъ воинъ, онъ привыкъ со шпагою въ рукѣ открывать себѣ путь тамъ, гдѣ встрѣчалъ препятствія. Отецъ Маріи сдержанно входъ, къ которому онъ приближался.

Графъ подкупилъ нѣкопорохъ людей, вхожихъ въ домъ Барона, и черезъ нихъ отослалъ письмо къ Маріи. Она прочла его и любовь взяла верхъ надъ внушеніями разсудка. Она забыла, что отецъ

ея былъ дома, и накинувъ верхнее плашье, спустилась съ лѣстницы и побѣжала въ полъ, еще покрытое снѣгомъ. Тутъ Марія опомнилась, сердце ея забилося, члены ослабѣли и оцѣпенѣли отъ спужи. Она позвала слугу и, сказавъ ему совсѣмъ другую причину ея нездоровья, дошла съ помощію его до своей комнаты, не будучи примѣчена жестокимъ своимъ опцомъ.

Терзаемая печалію и опчаявшись видѣньемъ своего любезнаго, Марія бросилась на посшель въ безпамятствѣ. Наконецъ черезъ нѣкошорсе время

пришедши въ чувство, она написала къ Графу письмо, убѣждая его, есшьли онъ дорожитъ ею и своею жизнію, удалиться изъ сихъ мѣстъ и ѣхать въ Москву, гдѣ можетъ еще предсшавишься случай къ ихъ свиданію. Подписавъ и запечатавъ письмо, она еще держала его въ рукѣ, и не помня, что дѣлала, распечатала его опять, прибавила выраженія, какія диктовала ей спраснь и между изъясненіями горячайшей своей любви упомянула и о здѣланномъ ею покушеніи видѣшь его.

Графъ М. читая письмо, не могъ удержати порыва чувствъ своихъ. Холодное, осшорожное письмо забыто было при чпении посшскрипта.

Марія стояла у окна и смотрѣла въ ту сторону, гдѣ была деревня. Нѣтъ! Графъ не придетъ, думала она, я запретила ему опваживаться на это, еслии онъ бережетъ мою жизнь. Постараюсь успокоиться. Я рѣшилась ожидать благоприятѣйшаго времени и сіе намѣреніе опкрыла ему въ письмѣ моемъ. Но что за непреодолимое желаніе видѣть его? — опвращу мои глаза опъ деревни. —

Ахъ! какъ я колеблюсь! — Будешь ли это любовь, естели онъ исполнишь мое приказаніе? не ужели не останоуишься на этой снѣжной равнинѣ и не махнешъ мнѣ плашкомъ? — Не уже ли убѣдешь, не здѣлавъ мнѣ никакого знака своей любви? — Неблагодарный! Ахъ, нѣтъ! — Но гдѣ я? гдѣ онъ? — Произносилъ ли онъ имя Маріи и свое?

Ночь наспувила. Развлеченная Марія ходила по комнатамъ и искала въ шемногѣ любезнаго; желала видѣть хотя тѣнь его. Крестьянинъ держалъ подъ окномъ письмо. Съ шоропливо-

спію Марія спросила его: отъ кого? — Это былъ самъ Графъ М. — отъ кого спросила опять Марія, просянувъ руку, чтобы взять письмо. — „Марія! вскричалъ Графъ, и хващаясь за сучки дерева, у окна сшоявшаго, всползъ на него и вскочилъ въ окно.

Марія бросала на него изступленные взоры, не могши произнести ни одного слова. Графъ клялся ей, что напечатлѣвъ одинъ поцѣлуй любви на ея устахъ, онъ потчасъ оставишь ее. Онъ обнялъ и прижалъ ее къ волнузщейся своей груди. Часы текли непримѣлно, лю-

Бовники не прежде пробудились отъ упоенія, какъ услышали, что Баронъ шелъ къ нимъ. Воображеніе женщинъ, всегда легко изобретающее способы удаляшь и приближать свою опасность, изобрѣло и теперь средство скрышь въ одну минуту Графа. Онъ спрятанъ былъ въ пустой сундукъ, случившійся въ комнаѣ. Причиною Баронова прихода было то, чтобы спросишь свою дочь о ея здоровьѣ, которое онъ видѣлъ нѣсколько разспроечнымъ. Баронъ обходился съ нею, какъ нѣжный отецъ, когда только забывалъ о фамиліи

Графа; но сіе ужасное забвеніе никогда не продолжалось болѣе одного дня.

Баронъ оставилъ свою дочь, нимало не подозрѣвая, чтобы сынъ его соперника могъ бытъ у ней; Марія подбѣжавъ къ роковому сундуку, открыла его. Графъ спалъ или прикинулся спящимъ. — Такъ, онъ уснулъ, чтобы никогда не пробуждаться! — Въ поропливости крышка у сундука или была плохо закрыта, или сама собою плапно опустилась. Такой шѣсношѣи недоспашку воздуха Графъ конечно умѣлъ бы помочь, поднявъ нѣсколько крышку; но онъ

боялся, чтобы покушение его не было примѣчено и что малѣйшій шумъ можетъ погубить ту, которая была ему дороже своей жизни — и Графъ рѣшился умереть.

Какое воображеніе представивъ ужасъ Маріи въ ту минуту, какъ она увидѣла бездыханное тѣло Графа! Она не вѣрила своимъ глазамъ, думая, что Графъ притворился сънящимъ и укоряла его въ сей окорбительной шушкѣ. Наконецъ, вышедши изъ терпѣнія, силлась поднять его; но тѣло упало въ сундукъ. Она закричала и даже хотѣла, чтобы

на сей крикъ пришелъ ея отецъ. Опшчаянное положеніе ея не ужа-сало; но мысль о неисповомѣтнѣвѣ отца усугубляла ея бѣд-ствія. Почти лишена ума она обнимала тѣло Графа, призы-вала его и въ минушы нѣкошо-раго успокоенія употребляла все, чшобы возврашшь ему жизнь, — но тщешно.

Безмолвіе ночи прерываемо было вздохами и криками Маріи, которая шо припадала къ тѣлу, шо, подошедъ къ окну, терзала волосы и умоляла небо окон-чить ея дни. Начало свѣшашь; она пробудилась отъ мрачной разсѣянности и спала помы-

шлять о томъ, что наступающій день долженъ открыть неистовому ея опцу. Караульный, который обыкновенно бываетъ пожилыхъ лѣтъ и употребляется въ самую подлая работу, былъ одинъ человекъ, котораго въ ночное время оставалось ей просить о помощи.

Къ сему-то презрѣнному человеку прибѣгла несчастная Марія. Лишь только она подошла къ нему, рабъ спалъ на колѣни, упалъ къ ея ногамъ и просилъ о облегченіи его участи. Она велѣла ему всшпаться и увѣряла его, что онъ не поль-

ко будетъ пользоваться всегда ея милостіями, но теперь же получишь нѣкоторую сумму, естли сохранишь тайну и вѣрно будешь ей служить. Она открыла ему свои несчастія, просила вынести грѣло и похоронить его въ ближнемъ лѣсу. Рабъ представилъ себѣ важность услуги, которой отъ него требовала его Госпожа. Онъ получилъ обѣщанные деньги, но зналъ, что Баронъ дастъ ему болѣе, естли откроетъ ему тайну, — и пошелъ рабъ, который до сего не смѣлъ взглянуть на дочь своего Господина и почиалъ обоихъ бо-

жествами, которые имѣли въ рукахъ своихъ его жизнь и смерть; эпитъ самый рабъ, презрѣнный даже опъ прочихъ слугъ и поставлявшій щасіемъ жить въ Бароновой конюшнѣ, — осмѣлился пожелать обладанія Марією. Подлецъ безъ дальнихъ околичностей началъ употреблять съ нею вольности; она хотѣла положить предѣлы его дерзости, сколько ни была въ опчаяніи, забыла на минуту печаль, и принявъ свое достоинство, приказывала ему удалиться; но уже было поздно. Рабъ зналъ ея тайну и чпо кромѣ его она не имѣла

помощи. Бездѣльникъ спра-
щаль ее, что онъ пойдеть къ
Барону и все ему откроеть.
Марія просила его не ходить,
онъ повиновался, дѣлая глупый
видъ важнаго для нея челоуѣка.
Марія отдала ему нѣкоторыя
золотыя и серебряныя свои
вещи въ прибавокъ къ прежнимъ
ея подаркамъ. Рабъ слѣдовалъ
за нею до ея комнашы, но
вдругъ останоуился и грозилъ,
что въ ту же минушу от-
кроеть все ея опцу, есшьли
ему не будетъ позволено об-
няшь ее. Марія упала на колѣ-
ни передъ извергомъ, умоляла
его не объявляшь шайны, и

обѣщала здѣлать его вольнымъ и богатымъ. Но злодѣй порывался уйти къ Барону въ спальню, Марія старалась удерживать его, и отъ изнуренія въ силахъ упала въ обморокъ.

Бездѣльникъ оборотился, пожиралъ глазами добычу и схватилъ ее.

Онъ побѣжалъ въ комнату, гдѣ лежало бездыханное тѣло, спалилъ его въ лѣсѣ и обезобразивъ многими ранами, сдѣланными ножемъ, оставилъ тѣло на разхищеніе звѣрямъ, конечно менѣе лютымъ сего изверга.

Марія пробудилась для новыхъ ужасовъ. Баронъ, примѣшивъ глубокую печаль, перзавшую ея сердце, упрѣкалъ ее съ обыкновенною своею грубостію, что безъ сомнѣнія она занята кѣмъ нибудь изъ фамиліи Графа М.

Гоненія несчастной Маріи шѣмъ еще не кончились. Рабъ возобновилъ свои шребованія и грозилъ, что не только опкроепѣ все Барону, но обвинитъ ее въ убійствѣ молодаго Графа и въ непозволенномъ съ нимъ обхожденіи.

Марія гошова была на всѣ ужасы родительскаго гнѣва;

но бысть обвиненною въ смер-
тоубійствѣ и прелюбодѣянніи
не только съ Графомъ, но съ
подлѣйшимъ изъ рабовъ ея оп-
ца, — такого позора она не
имѣла мужества перенести.
Ахъ! сколь опасно считашь
себя погибшимъ, въ какомъ бы
ни случилось бысть положеніи.
Для избѣжанія безславія Марія
поколебалась угрозами пре-
зрѣннѣйшаго негодяя. Короп-
кое обхожденіе здѣлало раба
наглымъ: онъ принудилъ ее
пойти къ себѣ въ шалашъ и
оппустилъ ее онъ себя съ
презрѣніемъ.

Для умноженія своего при-
бышка рабѣ повелѣ ея въ ближ-
нюю избу, гдѣ обыкновенно въ
глубокую ночь собирались за-
житочные тамошніе крестья-
не. У нихъ составилось пир-
шество; Марія была жертвою
ихъ наглостей и испытала вся-
кое постыдное обращеніе.

Но часъ мщенія насталъ. Ея
упоенные мучители легли по
лавкамъ и захрапѣли. Ангелъ
хранитель внушилъ Маріи, что
время ея свободы и праведной
мѣсци приближилось. Она по-
дошла къ извергу; призвала небо
въ помощь и вынувъ изъ за-
пояса его ножъ, вонзила ему

въ сердцѣ. Съ симъ ударомъ мужество ея усугубилось. Она по порядку обошла прочихъ злодѣевъ, безчувственно спавшихъ, потѣ же ножъ вонзила въ грудь каждому.

Совершивъ сей подвигъ мщенія, Марія побѣжала въ свою комнату. Она смотрѣла изъ окна на восходящее солнце и воображала себя другимъ существомъ въ новомъ мѣрѣ. — „Графъ будетъ здѣсь, говорила она; эшо Елисейскіе поля; я пойду ему на встрѣчу., — Она побѣжала въ лѣсъ, нашла мѣсто, гдѣ брошено было шѣло Графа и, спавъ на колѣни, омо-

чала его горькими слезами. Наконецъ вспомнивъ, что отецъ могъ заснать ее въ такомъ положеніи, она возвратилась домой и могла преодолѣть себя столько, чтобы не показывать предъ нимъ смущеннаго вида.

Мысль о смертоубійствѣ не могла не подвергать Марію въ отчаяніе. Для успокоенія своей совѣсти она рѣшила въ покаяніи во всемъ духовному ея отцу. Изумленный священникъ не былъ никогда свидѣтелемъ такой исповѣди. Онъ открылъ тайну женѣ, а та пріятельницѣ; и наконецъ сіе происшествіе сдѣлалось такъ из-

вѣспнымъ, что Марія была уже въ рукахъ блюстителей правосудія. Слухъ о семъ приключеніи разнесся по всей Имперіи. ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, послѣ строжайшаго изслѣдованія всего дѣла изволила освободить несчастную отъ всякаго наказанія и приняла ее въ особое свое покровительствѣ.

Марія, упомленная жизнью, не могла переносить всеобщей молвы и смерть предпочитала всякому покровительствѣ. Она испросила у ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА позволеніе удалиться въ монастырь, и шамъ оплученная

опѣ міра, въ которомѣ не находила уже спокойствія, спаралась забыть все, кромѣ Бога и своего любезнаго. Малая ея келья содержалась опрятно. Нѣсколько священныхъ книгъ были ея занятіемъ. Порфиреи Графа висѣли всегда на ея груди; она цѣловала его съ благоговѣніемъ, первая должность ея по утру и вечеру была молитва. Она рѣдко выходила изъ монастырскихъ спѣнъ, и по для того, чтобы блуждать по темнымъ лѣсамъ или сидѣть у рѣки, прошекавшей подлѣ монастыря. Здѣсь, положивъ руки на грудь и опустивъ

взоры, она умоляла небо о прощеніи ея. Вечерній колоколъ наминалъ ей о возвращеніи къ молитвѣ и къ успокоенію.

ПАГУБНОЕ
СУПРУЖЕСТВО.

Рожеръ, Король Сицилійскій, имѣлъ брата и сестру. Первый, по имени Менфрой, возсталъ прошивъ него и возжегъ пагубную междусобную войну; но къ несчастію потерялъ два сраженія и былъ взятъ Королемъ, который удовольствовался наказать возмущителя однимъ только лишеніемъ его свободы. Крошкая сія мѣра по-

случивша поводомъ, что половина подданныхъ починила Рожера тиранномъ, думая, что онъ пощадилъ жизнь своего брата для того только, чтобы заставить его испытать продолжительное и жесточайшее мщеніе. Напроривъ того другая половина съ большею основательностію приписывала заключеніе Менфроя злоспирити сестры его Машильды, которая въ самомъ дѣлѣ ненавидѣла Принца и во всю жизнь спаралась вредить ему. Сія Принцесса умерла вскорѣ послѣ брата своего Менфроя и смерть ея починяема была достой-

нымъ наказаніемъ пагубнаго
 ея расположенія къ нему.

Менфрой оставилъ двухъ
 малолѣтнихъ сыновей, копо-
 рыхъ Рожеръ хотѣлъ удалить
 отъ себя для того, чтобы они,
 пришедши въ зрѣлый возрастъ,
 не опмстили ему за своего
 отца и не возобновили пре-
 жняго мяшежа, еще не поту-
 шеннаго такъ, чтобы не лъзя
 было ожидать новыхъ опасно-
 стей и смяшенія въ Государ-
 ствѣ. Онъ объявилъ о семъ на-
 мѣреніи Леонсіо Сиффре
 своему Министру, коіе
 желая опвлечь Государя

исполненія такого предпріятія, представилъ ему, что онъ приемленъ на свое попеченіе воспитать старшаго Принца Генрикеца, а младшаго, который назывался Донъ Педро, совѣщовалъ отдать на руки Сицилійскому Конешаблю. Рожеръ увѣрясь, что племянники его будущъ воспитаны въ повиновеніи и страхѣ, коими они были ему обязаны, отдалъ Принцовъ симъ опекунамъ, а при себѣ оставилъ племянницу Констанцію, единственную дочь Принцессы Машильды и однихъ любилъ съ Генрикецомъ. Онъ далъ ей надзирашельницъ и

учишелей, и ничего не щадишь для ея воспитанія:

Леонтіо Сиффреди имѣлъ замокъ въ Бельмонтѣ, на разстояніи двухъ миль отъ Палермо, и въ немъ-то Министръ сей употреблялъ все стараніе на то, чтобы здѣлать Генрикеца достойнымъ занять нѣкогда Сицилійскій престолъ. Въ скоромъ времени открылъ онъ въ семъ Принцѣ большія способности и объ усовершенствованіи ихъ началъ заботиться такъ, какъ можешъ только человекъ, не имѣющій у себя дѣтей. Но у него были двѣ дочери, изъ коихъ старшая,

Бланшъ, моложе Принца однимъ годомъ, блистала всѣми прелѣстями; другая, Порція, съ рожденіемъ коей послѣдовала кончина ея матери, была еще въ колыбели. Бланшъ и Принцъ Генрикецъ едва познакомились съ любовію, какъ начали уже питать другъ къ другу нѣжнѣйшую спрасъ. Хотя сіи любовники не имѣли еще позволенія видѣться между собою наединѣ, но Принцъ умѣлъ находить къ тому случаи и такъ хорошо пользованъ сими драгоцѣнными минушами, что успѣлъ убѣдить Сиффредіеву дочь позволишь ему испол-

нить планъ, который онъ выдумалъ.

Около сего времени Леоніо по повелѣнію Короля долженъ былъ уѣхать въ самую дальнюю провинцію острова. Въ отсутствіе его Генрикецъ здѣлалъ отверстіе въ стѣнѣ своей комнаты, которая была подлѣ комнаты Бланши; и въ это отверстіе вставилъ дверь столь плотную и непримѣтную, что она могла открываться и закрываться, будучи вовсе невидима. Сія искусная работа сколько тщателью, столь же и тайно совершена была однимъ Архитекторомъ, коего

Принцъ за его услугу почпилъ своею дружбою. Сею-то дверью влюбленный Генрикецъ ходилъ иногда въ комнату своей любезной, не упопреляя однако во зло ея на то дозволенія.

Однажды, будучи у Гжи Бланшъ, увидѣлъ онъ, что она была весьма разсiproена. Ей сказали, что Король опасно боленъ и послалъ за Канцлеромъ Сиффреди, дабы ввѣришь ему послѣднюю волю. Она воображала уже на пронъ любезнаго Генрикеца и, опасаясь лишиться его на шоль высокой степени, обливалась слезами въ шу минушу, какъ онъ

вошелъ. — „Что я вижу, вскричалъ Генрикецъ, вы плачете; могу ли спросить о причинѣ вашей печали?“, — „Мнѣ ли не сокрушаться, отвѣчала Бланшъ; Король, вашъ дядя, окончитъ скоро дни свои; вы будете его наслѣдникомъ и сіе новое величіе разлучитъ васъ со мною. Я знаю, что Монархъ рѣдко смотритъ спраспными глазами, и та, которую онъ обожалъ, бывъ въ числѣ подданныхъ, весьма мало будетъ занимать его на пронѣ. Не знаю, пагубное ли это предчувствіе или, можетъ быть, и самая истинна, но душа моя

перзається сомнініями, коихъ даже увѣренность въ вашемъ ко мнѣ расположеніи разсѣяшь не можешъ.“ — „Обожаемая Бланшъ, возразилъ Принцъ, вы еще болѣе меня привлекаете и оправдываете мою привязанность къ вашимъ прелестямъ; но излишніи ваши сомнініи оскорбляютъ мою любовь и по уваженію, естли могу такъ сказать, коимъ вы мнѣ обязаны. Не думайте, заклинаю васъ, не думайте того, чшобы моя судьба могла бытъ разлучена съ вашею и вѣрьте всегда, чшо вы будете моимъ утѣшеніемъ, моимъ щастіемъ.

Оставьте боязнь и не нарушайте ею поль драгоцѣнныхъ минутъ.“ — „Ахъ! Принцъ, сказала Бланшъ, лишь только вы получите корону, то можетъ быть подданные ваши изберутъ Королевою Принцессу изъ давняго Королевскаго Дома, коей блистательный бракъ прибавитъ новые Государства къ вашему; можетъ спастся, увы! народное ожиданіе будетъ исполнено даже вопреки вашей склонности.“ — „Ахъ! для чего, милая, отвѣчалъ въ жару Генрикецъ, для чего спараетесь вы мучить себя печальными мечтами о

помѣ, чего никогда случисься не можеть. Естли бы Небу угодно было взять опѣ сего міра Короля, моего дядю, и здѣлать меня обладашелемъ Сициліи, божусь, я торжественно въ присупствіи всего моего двора объявлю васъ моею супругою, и призову все, что есть священо, въ ушверженіе моей клятвы.

Дочь Сиффредія утѣшена была такими увѣреніями Генрикеца. Остатокъ разговора касался до болѣзни Короля и Генрикецъ въ сіе время показалъ доброшу своего сердца тѣмъ, что онъ плакалъ уже на-

передъ о потерѣ своего дяди, хотя всякой на его мѣстѣ не нашелъ бы къ тому доста-точной причины. Безъ сомнѣнiя одно чувство родства заставляло его скорбѣть о такой потерѣ, которая доставляла ему корону.

Бланшъ не могла еще ожидать большихъ несчастiй, ей угрожавшихъ. Конешабль Сицилійскiй, будучи однажды въ Бельмонтскомъ замкѣ для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ, вспрѣтился съ нею въ ту минушу, какъ она вышла отъ отца, плѣнился ея красою и на другой день предложилъ Сиф-

Фредію о намѣреніи своемъ
вспунить съ нею въ супруже-
ство. Сиффреди далъ ему свое
согласіе, но приключившаяся
болѣзнь Королю заставила оп-
ложитъ до времени свадьбу, о
которой Бланшъ вовсе не была
извѣстна.

Въ одно утро Генрикецъ
только лишь одѣлся, какъ
удивленъ былъ посѣщеніемъ
онъ Леонтію, который при-
шелъ къ нему вмѣстѣ съ своею
дочерью. „Я принесъ вамъ пе-
чальное извѣстіе, говорилъ сей
Министръ, но надѣюсь, что
послѣдующая за нимъ радость
умѣритъ вашу скорбь. Король,

вашъ дядя, скончался, оставивъ васъ наследникомъ престола. Сицилія ожидаетъ вашихъ повелѣній и Государственные чины, собравшіеся въ Палермо, поручили мнѣ принять ихъ изъ вашихъ устъ. Государь! изъ новыхъ подданныхъ вашихъ я первый пришелъ съ моею дочерью принести вамъ искреннее поздравленіе.“— Принцъ будучи извѣстенъ, что Король два мѣсяца спрдалъ болѣзнію, истощевавшею поспешенно его жизненные силы, ни сколько не былъ удивленъ симъ извѣстіемъ, но только незапная перемѣна состоянія

произвела въ немъ разные смущенные чувства. Наконецъ послѣ долговременнаго размышленія онъ прервалъ молчаніе и обратилъ свою рѣчь къ Леонтію. — „Мудрый Сиффреди, сказалъ онъ, я буду всегда почитать васъ моимъ отцомъ и хвалиться тѣмъ, что поступки свои учреждаю сполна по вашимъ совѣтамъ; вы будете вмѣстѣ со мною управлять Сицилією.“ — Сказавъ сіе, Принцъ подошелъ къ столу и взявъ листъ бѣлой бумаги, написалъ внизу свое имя. — „Я хочу торжественно засвидѣтельствовать вамъ мою бла-

годарность и уваженіе, говорилъ Генрикецъ, подавая листъ Г-жѣ Бланшъ; удостойте принять сей залогъ моея вѣрности и обладанія моимъ сердцемъ.“ — Бланшъ, съ краскою въ лицѣ, взяла листъ и отвѣчала Принцу: „я пріемлю съ должнымъ уваженіемъ сію милость моего Государя; но, завися во всемъ отъ воли моего родителя, думаю, что не оскорблю нѣмъ Ваше Величество, естли отдамъ ему сію бумагу, которую онъ можетъ употребить по своему благоразумію.

Она опдала бланкъ Генрикеца своему отцу, который въ первый разъ замѣнилъ тогда, что доселѣ отъ него было скрыто. Узнавъ такіе чувства Принца, онъ сказалъ ему: Ваше Величество не будете имѣть причины упрекать меня; я не употреблю во зло вашей довѣренности., — Любезный Леонтио, прервалъ Генрикецъ, не опасайтесь ничего; какое бы ни здѣлали вы употребленіе изъ сего листа, оно утверждено мною. Но не отлагайте далѣе возвращенія вашего въ Палерму; прикажите приготовить все къ моему коронава-

нію, об'явите моимъ поддан-
нымъ, что я вѣ слѣдѣ за вами
туда прибуду, дабы принявъ
опѣ нихъ присягу и увѣришь
ихъ вѣ моей любви., — Ми-
ниспръ повиновался повелѣні-
ямъ новаго Государя и отпра-
вился съ своею дочерью вѣ Па-
лермо.

Черезъ нѣсколько часовъ по-
слѣ нихъ Принцъ побѣхаль туда
же, влекомъ будучи не столько
полученіемъ Сицилійскаго пре-
шюла, сколько любовію. Онъ
встрѣченъ былъ громкими поз-
дравленіями многочисленнаго
народа и посреди восклицаній
вошелъ во дворецъ, гдѣ все

приготовлено было для предстоящаго торжества. Онъ встрѣшилъ тамъ Принцессу Констанцію, которая была въ глубокомъ траурѣ и казалась весьма опечаленною смертію Рожера. Съ той и другой стороны здѣланы были всѣ комплименты сожаленія о столь важной потерѣ; однако привѣтствія холоднѣе были со стороны Генрикеца, нежели Констанціи, которая, не смотря на вражду обѣихъ семействъ, не могла быть равнодушна къ Принцу.

Генрикецъ сѣлъ на тронѣ, Принцесса заняла мѣсто по

правую руку нѣсколько ниже трона ; Государственныя чины взяли также мѣста, каждый по своему достоинству. Церемонія открылась и Леоніо въ качествѣ великаго Канцлера и хранилца послѣдней воли покойнаго Короля, объявилъ торжественно сію волю. Существенное ея содержаніе было то, что Рожеръ по бездѣйствию своему назначилъ старшаго Менфроева сына своимъ наследникомъ, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ женился на Принцессѣ Констанціи ; но ежели бы онъ на сіе не согласился, то корона Сицилійская

должна перейти къ другому Принцу Донъ Педро, его брату, который обязанъ владѣть ею на томъ же основаніи.

Генрикецъ приведенъ былъ въ замѣшательство симъ объявленіемъ; такое ограниченіе чрезмѣрно его оскорбило. Онъ еще болѣе раздраженъ былъ слѣдующими словами, которые произнесъ Леонціо : „Почтеннѣйшее собраніе! мнѣ остаеши-ся еще изъяснить то, что когда я объявилъ послѣднее желаніе покойнаго Короля новому нашему Государю, то сей великодушный Монархъ далъ согласіе удостоить своей ру-

ки Принцессу Констанцію, его двоюродную сестру.“ — При сихъ словахъ Генрикецъ прервалъ Канцлера : „Вспомните о той бумагѣ, которую Бланшъ“ — „Государь! возразилъ Сиффреди, не давъ Принцу окончить словъ; она здѣсь и Государственные чины по высочайшей подписи Вашего Величества узнаютъ, какое уваженіе дѣлаете вы Принцессѣ и сколь свято соблюдаете послѣднюю волю покойнаго Короля, вашего дяди.“ — Сказавъ сіе, онъ прочиталъ то, что имъ самимъ написано было на бумагѣ, то есть, самое торжественное

обязательство имѣть супру-
гою Конспанцію, согласно во-
лѣ Рожера. Залъ наполнился
громкими восклицаніями: да
здравствуетъ Государь, нашъ
отецъ!

Всѣмъ извѣстна была нена-
висть Генрикеца къ Конспан-
ціи и всякой догадывался, что
Принцъ возпрошится шакой
волѣ и неминуемо произведетъ
возмущеніе въ Королевствѣ.
Но какъ скоро прочтена была
бумага, тогда умы дворянства
и черни успокоились, и произо-
шло всеобщее восклицаніе,
перзавшее тайно Монарха.
Конспанція, принимавшая наи-

болѣе участія во всеобщей радости сколько для собственной славы, столько изъ любви къ Генрикецу, избрала сей случай приличнѣйшимъ для засвидѣтельствованія Принцу своей благодарности; но Принцъ, щещно старавшійся успокоить себя, принималъ всѣ ея привѣтствія съ холодностію и даже не соблюлъ приличной наружности, которой требовало настоящее его положеніе. Увлекаемый стремленіемъ чувствъ, онъ подошелъ къ Сиффреду, коего должность обязывала находиться близь своего Государя, и сказалъ ему шихо:

„Что вы здѣлали, Леонтіо? бланкетъ, который я далъ вашей дочери, не для сего употребленія былъ назначенъ; вы измѣнили“ — „Государь, возразилъ Сиффреди, вамъ должно блюсти вашу славу; если вы не исполните воли Короля, вашего дяди, то должны будете лишиться Сицилійской короны.“ — Сказавъ сіе, Министръ спалъ въ нѣкоторомъ опьдаленіи опь Короля, дабы избѣжашь его вопросовъ.

Генрикецъ приведенъ былъ въ величайшее замѣшательство. Онъ досадовалъ на Сиффреди, но не могъ ославить

Бланшѣ. Развлеченный, такъ сказать, ею и своею славою, онѣ оставался нѣкоторое время въ нерѣшимости. Наконецъ казалось ему, что онѣ нашелъ способъ удержати корону, не лишаясь дочери Сиффредіевой. Онѣ принялъ видъ уваженія къ завѣщанію дяди своего, а между тѣмъ, пока изъ Рима получено будетъ разрѣшеніе уничтожитьъ предшоящее ему супружество, надѣялся привлечь милостіями свое дворянство и тѣмъ утвердитъ свою власть. Послѣ сего плана онѣ здѣлался спокойнѣе и обратился къ Констанціи, увѣрялъ ее въ истин-

нѣ всего того, что Канцлеръ
чишалъ собранію.

Въ самое по время, какъ онѣ
измѣнялъ искренности своихъ
чувствъ, Бланшъ вошла въ залу
собранія. Она здѣлала это по
приказанію ея опца, для при-
несенія поздравленія Принцес-
сѣ. При самомъ входѣ слухъ
ея пораженъ былъ словами
Генрикеца. Леонтію, желая при-
готовить ее къ перенесенію
новаго несчастія, сказалъ ей,
представляя ее Констанціи:
„принеси поздравленіе новой
твоей Государынѣ и пожелай
ей благополучнаго царствованія
и всѣхъ удовольствій су-

пруджества.“ — Ужасный сей ударъ почти убилъ несчастную Бланшъ. Напрасно старалась она скрыть свою печаль, блѣдность и румянецъ показывались попеременно на ея лицѣ. Принцесса, не угадывая настоящей причины ея смятенія, приписывала странность сихъ комплиментовъ одной робости, которая свойственна дѣвушкамъ, воспитанной въ уединеніи и незнающей двора.

Напрошивъ того молодой Король совсемъ въ другомъ былъ положеніи. Приходъ Бланши привелъ его въ смущеніе, которое еще увеличилось, ко-

гда онъ во взорахъ ея видѣлъ упреки въ его невѣрности. Онъ хотѣлъ обьясниться съ нею, но могъ ли найсти къ сему случаю тогда, какъ вся Сицилія, такъ сказать, смотрѣла на него? и сверхъ того жестокой Сиффреди не допустилъ бы до этого. Министръ сей чиналъ мысли обоихъ любовниковъ въ ихъ взорахъ, и для предупрежденія всякихъ слѣдствій, могущихъ произойти отъ столь пламенной спраси, успѣлъ вывести свою дочь изъ собранія, не подавъ никакого подозрѣнія, и уѣхалъ съ нею въ Бельмонтъ, положивъ на нѣ-

реніе поспѣшишь, сколько возможно, ея замужеспивомъ.

Лишь только они прибыли туда, то Сиффреди открылъ своей дочери всѣ ужасы ея судьбы, объявивъ ей, что она нарѣчена въ супруги Конешаблю. „Праведный Боже! вскричала она въ испуленіи печали, которой не въ силахъ была скрыть въ присутствіи своего отца, какого жестокаго наказанія ожидаетъ Бланшъ!“ Отчаяніе умертвило всѣ душевныя ея силы; она дрожала и упала въ обморокъ. Отецъ, пронутый ея положеніемъ, употреблялъ всѣ способы при-

весть ее въ чувство; но все оставался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи. Наконецъ Бланшъ возвратила чувства болѣе отъ пролитія слезъ, нежели отъ воды, которую отецъ прыскалъ на ея лице. Открывъ томные глаза, она увидѣла свое положеніе. Башюшка, вскричала она, я спыжусь той слабости, которую вы видѣли; но надѣюсь, что смерть въ скоромъ времени, прекративъ мои мученія, освободитъ васъ отъ несчастной дочери, осмѣлившейся разполагать своимъ сердцемъ безъ вашего согласія. — Оставъ сіи мысли, дочь моя, сказалъ Леон-

тію, живи и побѣди твою склонность; любовь Конешабля дѣлаешь тебѣ честь и супружество съ нимъ будетъ для тебя самое щасливое.“ — „Я уважаю его особу и его достоинства, прервала Бланшъ, но Король увѣрилъ меня.“ — „Дочь моя, я знаю напередъ, что ты будешь мнѣ говорить; мнѣ извѣстна любовь твоя къ Генрикецу; въ другихъ обстоятельствахъ я охотно бы согласился на твою склонность, даже употребилъ бы всѣ усилія доставить тебѣ руку сего любезнаго тебѣ чловѣка, естли бы собственная его слава,

а съ шѣмъ и слава опечества
не обязывала его опдать сію
руку Конспанціи, ибо на семь
только условіи покойный Ко-
роль назначилъ его наследни-
комъ своимъ ; и послѣ сего ты
конечно не захочешъ, чтобы
онъ предпочелъ тебя Сицилій-
ской коронѣ. Впрочемъ будь
увѣрена, что жестокіе удары,
тебя поражающіе, я шерплю
вмѣстѣ съ тобою. Но ежели
опредѣленія судьбы непремѣн-
ны, то что же остається дѣ-
лать, какъ не вооружиться
мужествомъ? Собственная
твоя честь зависить отъ то-
го, чтобы ты скрывала предъ

Государствомъ щещную надежду, копорою ласкалась до сего времени; швоя любовь къ Королю можетъ посбять вредные для себя слухи и къ опвращенію ихъ теббъ есть одно только средство, имянно, чшоббъ бышь женою Конешабля. Но оставимъ разсужденія. Короче сказать, Генрикецъ мбняетъ тебя на корону и избираетъ въ супругу Констанцію. Я далъ слово Конешаблю и прошу тебя его исполнишь; въ прошивномъ случабъ принужденна будешъ повиноваться моей волб.

Сказавъ сіе, онѣ оставилъ ее въ размышленіи, надѣясь, что она убѣдившись его доводами, согласится дать руку Конешаблю — и не ошибся. Но сколь мучительно было печальной Бланшъ дать такое согласіе? горестная увѣренность въ томъ, что ея предчувствія сбылись и что она должна отдать себя другому, котораго не могла любить, столько терзали ея сердце, что всякая минута сопровождалась новыми мученіями. — „Если моя судьба рѣшена, вскричала она, могу ли переносить ее и не умереть? же-

спокая судьба! для чего ты
льстила мнѣ обманчивою на-
деждою, когда я предназначена
была для такихъ бѣдствій; а
ты, измѣнникъ! какъ смѣлъ
ощадить себя другой, обѣщавъ
мнѣ быть всегда вѣрнымъ?
какъ могъ забыть такъ скоро
данную мнѣ клятву? но ты
обмануль, и за сей злодѣйскій
обманъ брачное ложе швое да
будеть гнѣздомъ змѣинымъ и
ласки Констанціи лютѣйшимъ
ядомъ для неблагодарнаго шво-
его сердца. Такъ, вѣроломный!
я буду женою Конешабля для
того, чтобы опмстить себѣ
самой за безразсудный выборъ.

Религія за́прещаетъ мнѣ по-
 сягать на жизнь, и я рѣшилась
 влачить дни печали. Естли въ
 тебѣ осталась еще искра нѣ-
 жности ко мнѣ, ты будешь
 конечно досадовать о томъ,
 что я упала въ объятія дру-
 гаго; но ежели забылъ вовсе
 меня, то Сицилія по крайней
 мѣрѣ будешь гордиться жен-
 щиною, которая наказала се-
 бя за то, что слишкомъ не-
 оспорочно располагала сво-
 имъ сердцемъ.“

Въ таковомъ положеніи сія
 несчастная жертва любви и
 повиненія провела ночь, пред-
 шествовавшую браку ея съ Ко-

нешаблемъ. Въ слѣдующій день Сиффреди, видя гошовоосшь дочери исполнишь его волю, поспѣшилъ воспользоваться симъ благопрятнымъ расположеніемъ. Онъ тотчасъ послалъ за Конешаблемъ и въ тотъ же день обвѣнчалъ ихъ тайно въ замкѣ.

Нещасія Г-жи Бланшъ не кончились тѣмъ, что она въ одно время потеряла корону, лишилась предмета нѣжности и сдѣлалась супругою человека, котораго не могла любить. Она должна была еще скрывать свои чувства предъ мужемъ, пипавшимъ къ ней пламенную

страсть и естественно ревнивымъ. Этотъ мужъ, прельщенный обладаніемъ любезнѣйшей жены, бывъ съ нею неразлученъ и даже не позволялъ ей печальнаго утѣшенія плакать тайно о ея несчастіяхъ.

При наступленіи ночи Бланшъ предалась еще большей печали. Но какъ терзалось ея сердце, когда служанка, раздѣвъ ее, оставила одну съ Конетаблемъ. Онъ спросилъ ее почтительно о причинѣ ея печали, и Бланшъ, смущенная симъ вопросомъ, отвѣчала ему, что она нездорова. Супругъ на первый разъ повѣрилъ ея

словамъ, но не долго оставался въ семъ заблужденіи. Живѣйшее участіе, которое онъ принималъ въ ея положеніи, и умильные прозьбы, чтобы она успокоилась, приняты были ею въ прошивную спорону; она предалась ужаснымъ мечпаніямъ и, не имѣя силъ удерживать движеній горести, дала свободу слезамъ. Какое зрѣлище для того, кто починалъ себя на верху благополучія!

Конешабль не сомнѣвался болѣе, чтобы печаль его супруги не предвѣщала ему несчастной любви, однако не смотря на то, что былъ самъ

въ шоль же печальномъ положеніи, онъ имѣлъ довольно присутствія духа, чтобы скрыть свое подозрѣніе. Онъ усугубилъ прозѣбы и настоятельно убѣждалъ супругу лечь въ постель, увѣряя, что отдохнѣ, для нея шоль нужный, не будетъ имѣ прерванъ; даже просилъ позволенія оставитъ при ней служанокъ, лишь шолько бы она успокоилась. Бланшѣ, ободренная сими словами, сказала ему, что въ шеперешней ея слабости нужно ей шолько немного сна. Онъ старался увѣритъ ее, что одинъ шолько сонъ можетъ поправитъ ея здоровье и наши

супруги провели сію ночь совсемъ не шакъ, какъ провела бы ее чета, вдохновенная Купидономъ и Гименомъ.

Между тѣмъ, какъ дочь Сифредіева предавалась горесни, Конешабль старался найти причину, содѣлавшую его супружество столь печальнымъ. Онъ заключалъ, что долженъ имѣть соперника, но не могъ найти его въ мысляхъ; и слѣдствіемъ сихъ догадокъ было то, что онъ почиталъ себя несчастнѣе послѣдняго презрѣннаго чело-вѣка. Уже болѣе половины ночи провелъ онъ въ семъ смятеніи чувствъ, какъ вдругъ услышалъ

глухой шумъ и съ крайнимъ удивленіемъ примѣшилъ, что кто-то ходилъ въ его комнату. Онъ не хотѣлъ этому вѣришь, зная, что по выходѣ служанки самъ заперъ дверь. Дабы удостовѣриться, откуда происходилъ сей шумъ, онъ открылъ занавѣсъ и нашелъ, что свѣча, оставленная на каминѣ, была уже погашена. Черезъ нѣсколько времени онъ услышалъ имя Бланши, повторенное много разъ тихимъ и помнымъ голосомъ. Оскорбленная честь и воспаленная до неистовства ревность заставила его вскочить съ постели и искать се-

бѣ опмщенія. Схвапивъ шпагу онѣ двигался къ той сторонѣ, откуда слышанѣ былѣ голосѣ. Коснувшись своею шпагою другою, прошиву него пославленной, онѣ подвигался впередѣ, но соперникѣ его удалялся; онѣ его преслѣдовалѣ, но врагѣ прятался далѣе, далѣе и наконецѣ совсемѣ скрылся. Тщешно Конешабль искалѣ того, который, казалось ему, перебѣгалѣ во всѣ углы комнашы. Не встрѣчая своего соперника нигдѣ, онѣ останавливался, слушалѣ, но не слышалѣ ничего, пробовалѣ дверь, думая, что вѣ нее ушелѣ тайный врагѣ

его чести, но она также крѣпко была заперта, какъ и прежде. Не зная, что дѣлать болѣе, онъ кликнулъ ближнихъ слугъ, опперъ дверь и спалъ въ самомъ проходѣ, чтобы не упустить того, кого хотѣлъ поймать. Слуги на сей крикъ прибѣжали со свѣчьми. Онъ взялъ свѣчу и осмотрѣлъ комнату, но не нашелъ никого, даже ни малѣйшаго слѣда, чтобы пушѣ былъ кто нибудь. Онъ вовсе не примѣтилъ скрытаго хода.

Не имѣя силъ перенести такого приключенія, Конешабль снѣдаемъ былъ мучительными

чувствами, и не смѣлъ ни о чемъ спросить у своей супруги, которая была весьма разспроена. Онъ рѣшился прибѣгнуть къ Леонтію, и для того отпустилъ своихъ слугъ, увѣривъ ихъ, что шумъ, слышанный имъ въ комнаѣ, были одни его мечты. Онъ встрѣтилъ своего пестря при самомъ выходѣ изъ его комнаѣ, и съ видомъ величайшей горести рассказалъ ему все случившееся. Сиффреди удивился такому странному произшествію, и догадываясь, что любовь Короля могла быть сему причиною, чрезмѣрно былъ тѣмъ

раздраженъ. Однако, дабы не пипашь ревнивыхъ чувствъ своего зятя, онъ старался увѣришь его, что голосъ и шпага были одни призраки воображенія, распаленнаго любовію, и не могло спасться, чшобы кто входилъ въ спальню его дочери. Впрочемъ естли онъ примѣшилъ нѣкоторую унылосшь въ своей супругѣ, то сіе должно опнести ея нездоровью или незапной перемѣнѣ состоянія; чшо время исправитъ все и Бланшъ узнаетъ болѣе его достоинства. Такимъ образомъ Сиффреди, утѣшая своего зятя, просилъ его не

предаваться подозрѣніямъ, оскорбляющимъ добродѣтель жены его..

Конешабль не дѣлалъ никакого возраженія на увѣщанія своего шестя, ошѣ того ли, что въ самомъ дѣлѣ былъ ими убѣжденъ, или хопѣлъ показатъ только маску убѣжденія. Онъ пошелъ въ спальню, легъ подлѣ своей жены и надѣялся сномъ вознаградишь сколько нибудь понесенное безпокойствіе.

Блачшѣ не менѣе своего супруга была расширена. Она знала кто былъ виновникомъ безпокойства ея мужа, но не понимала того, чтобы могло

побудить Генрикеца припши къ ней послѣ того, какъ уже совершена была свадьба. Она приняла сей поступокъ новою обидою и шѣмъ болѣе на него раздражилась.

Въ то время, какъ дочь Сиффредіева почитала молодого Короля вѣроломнѣйшимъ чело- вѣкомъ, сей несчастный Госу- дарь, влюбленный болѣе преж- няго, желалъ имѣть свиданіе съ г-жею Бланшъ для того только, чтобы показать въ настоящемъ видѣ его посшуп- ки, столько ее огорчившіе и конечно приѣхалъ гораздо ра- нѣе бы въ Бельмоншъ, еспьли

бы не препятствовали ему въ томъ многія дѣла. Ему совершенно былъ извѣстенъ Сиффредіевъ замокъ, въ которомъ онъ воспитывался, такъ что онъ могъ пройти туда, не будучи никѣмъ примѣченъ. Онъ хранилъ еще у себя ключъ отъ скрытаго хода, чрезъ который обыкновенно входилъ изъ сада въ старую залу, а оттуда въ спальню г-жи Бланшъ.

Представьте себѣ изумленіе Генрикеца, когда онъ нашелъ въ спальнѣ человѣка и коснулся шпаги, обращенной противъ него. Онъ хотѣлъ уже открыть себя и наказать дерз-

каго, который осмѣлился под-
нять убійственную руку про-
шивъ своего Государя, но лю-
бовь къ Бланшѣ остановила
сію месть. Огорченный болѣе
прежняго, онъ вышелъ пою же
дорогой, которою вошелъ, при-
ѣхалъ въ Палермо и заперся
въ свои комнаты. Но волненіе
чувствъ прогоняло опъ него
покой; онъ рѣшился опять
ѣхать въ Бельмонпъ. Безопас-
ность, честь, а наипаче лю-
бовь не позволяла ему остано-
вляться долѣе въ неизвѣстности о
малѣйшихъ обстоятельствахъ
толь неожиданной встрѣчи.
На разсвѣтѣ онъ велѣлъ при-

готовившись ъхаль на охоту, и подъ предлогомъ, чшобы заняшсь сею забавою, взялъ дорогу въ Бельмонтскій лѣсъ, сопровождаемый однимъ охотникомъ и нѣкоторыми придворными. Гонясь за звѣрями, онъ примѣшилъ, что всѣ изъ его свиты спремипельно скакали за своими собаками, и тогда опдѣлившись отъ нихъ, пустился прямо къ замку Леонтію. Онъ зналъ всѣ мѣста въ лѣсу, гдѣ можно было укрышсь, и нешерпѣніе не позволяло ему щадить лошади.

Въ самое по время, какъ сей Государь изобреталъ благовид-

ный предлогъ для пайнаго свиданія съ Сиффредіевою дочерью и переѣзжалъ дорожку, ведущую къ однимъ ворошамъ звѣринца, онъ увидѣлъ двухъ женщинъ, сидящихъ подъ деревомъ и весьма занятыхъ разговоромъ. Онъ не сомнѣвался, чтобы сіи женщины не были изъ замка, но въ какой приведенъ былъ восторгъ, когда одна изъ нихъ, услышавъ конскій топотъ, оглянулась и онъ увидѣлъ прекрасную Бланшъ, которая ушла изъ замка съ Низою, любимую ея служанкой, чтобы на свободѣ горевать о своемъ несчастіи. Онъ полѣтѣлъ, бро-

сился къ ея ногамъ и видя въ глазахъ ея слезы, разспроганъ былъ ея положеніемъ. Обожаемая Бланшъ, вскричалъ онъ, умѣрьте вашу печаль; я знаю, что все вооружило васъ противу меня: но естли вамъ извѣстны будутъ мои намѣренія, тогда увѣришесь, что я предъ вами нисколько не виновенъ.,, — Сии слова не только не ушѣшили г-жу Бланшъ, но еще умножили ея печаль. Она хошѣла опивѣчашь, но голосъ ея прерываемъ былъ вздохами. Генрицекъ, удивленный шоль горесшнымъ ея положеніемъ, сказалъ ей: какъ! не ужели не

могу я подать вамъ утѣшенія?
не уже ли вовсе лишился ва-
шей довѣренности топъ, ко-
торый жерпвуешъ короною,
и даже жизнію, чтобъ быть
вашимъ? — Государь! ошвѣ-
чала ему Бланшъ, ваши увѣре-
нія бесполезны и ничто моей
судьбы не соединитъ съвашей.—
Что вы сказали, жестокая
Бланшъ, возразилъ Генрикецъ;
я недоумѣваю. Кто смѣетъ по-
хитить васъ отъ моей любви?
кто ошважился прошивустать
неистовству Короля, который
скорѣе обратитъ въ пепель
всю Сицилію, нежели увидитъ
лщешною свою надежду. Госу-

дарь, прервала плачущая Бланшъ, все могущество ваше не въ силахъ разпоргнуть преградъ, насъ раздѣляющихъ. Знайте, что я жена Конешабля. — Жена Конешабля вскричалъ Генрикецъ, отскочивъ въ испуленіи; жена Конешабля! повпорилъ онъ, и, какъ громомъ пораженный, упалъ подъ дерево, за нимъ стоявшее. Блѣдный и почти охладѣвшій во всѣхъ членахъ онъ посмотрѣлъ на Бланшъ и симъ взоромъ далъ ей чувствовашь, въ какомъ онъ былъ положеніи. Она также своими взглядами показала ему,

сколько положеніе ихъ обоихъ было сходно.

Нещасные любовники оставались нѣкоторое время въ безмолвіи, предвѣщавшемъ ужасъ. На послѣдокъ Генрикецъ прервалъ его: что вы здѣлали, Бланшъ, сказалъ онъ? ваше легковѣріе погубило меня и васъ. — Бланшъ оскорбилась сими упреками, будучи увѣрена, что она имѣла всякое право на него жаловаться. — Какъ, Государь! возразила она; къ вѣроломству вы хопише присовокупить лицемѣріе? думаете разувѣрить меня въ томъ, что я сама видѣла и

слышала, и доказать свою невинность тогда, когда мои глаза увѣряющъ меня въ противномъ. — Позвольте сказать вамъ, отвѣчалъ онъ, что вы обмануты, и что я совершенно невиненъ; вѣрьте, что сіи мои слова столь же истинны, какъ и то, что вы жена Конешабля. — Какъ бы то ни было, сказала ему Бланшъ, но оправданія ваши уже поздны; я не хочу видѣть послѣдствій такого разговора, который оскорбляетъ мою честь, и не могу быть долге съ такимъ человекомъ, котораго не позволено мнѣ слушать. Впрочемъ я не

вийду никогда изъ обязанно-
сти должника къ вамъ уваже-
нія. —

Сказавъ сіе, она оставила
Генрикеца такъ поспѣшно, какъ
только дозволяли ей настоящія
обстоятельства. — остано-
вишись, умоляю васъ, вскри-
чалъ онъ, и не доводите до
опчаянія того, кто скорбе
низвергнетъ тронъ, нежели
разлучится съ вами. — Такой
поступокъ не здѣлаетъ вамъ
пользы, отвѣчала Бланшъ; —
я жена Конетабля. Если моя
слабость была такъ велика, что
я дала вамъ мѣсто въ моемъ
сердцѣ, то по крайней мѣрѣ

я буду имѣть сколько мужества, чтобы подавить сіи непозволенные чувства и доказать новому Сицилійскому Королю, что я не хочу быть его любовницей. — Сказавъ сіе она была уже у воротъ звѣринца, и вошедши въ нихъ съ Низою, заперлась съ другой стороны и оставила въ опчаяніи Генрикеца.

Симъ неожиданнымъ приемомъ Государь такъ былъ разстроены, что хотѣлъ было Конешапля и Сиффреди принести въ жертву своему мщенію; но наконецъ разсудокъ охладилъ нѣсколько жаръ его

неисповства. Онъ избралъ за лучшее разувѣрить Бланшъ въ предубѣжденіи о его невѣрности, нежели посягать на такія злодѣйства. Но для сего нужно было шайное съ нею свиданіе, къ которому не могло предсхавишься случая, пока Конешабль не будетъ удаленъ, чего не дѣлаешъ крайность! Конешабль объявленъ подозрительнымъ и по приказанію Короля взяшъ капишаномъ гвардіи, кошорый отвезъ его въ Палермской замокъ.

Сіе произшествіе устрашило весь Бельмоншъ. Сиффреди поѣхалъ тошчасъ къ Королю,

чтобы представитъ ему пагуб-
ныя слѣдствія такого насиль-
ства и отдасть себя въ залогъ
за Конешаля. Генрикецъ ожи-
далъ сего посѣщенія отъ сво-
его Министра, но уже рѣшив-
шись имѣть свиданіе съ г-жею
Бланшъ, далъ спрощайшее при-
казаніе не допускать къ себѣ
въ этотъ день никого. Леоніо
нашелъ однако способъ пройти
въ комнату Короля и представъ
предъ нимъ, говорилъ: Государь!
еслии вѣрноподданному поз-
волено приносить жалобу, то
я приношу ее Государю на него
самого. Какое здѣлалъ престу-
пленіе мой зять? помыслили ли

Ваше Величество о томъ неизгладимомъ безчестіи, копорымъ покрыли вы мою фамилію; не уже ли вы думаете, что такой арестъ можетъ разстроитъ согласіе шѣхъ, копорые занимаютъ важнѣйшіе посты въ вашемъ Государствѣ.“ — „Я получилъ самое вѣрное извѣстіе, опвѣчалъ Король, что Конешабль ведетъ вредную переписку съ Инфантомъ Педро.“ — „Вредную переписку! вскричалъ Леонсіо изумившись; не вѣрьте этому, Ваше Величество! вѣроломства никогда не бывало во всемъ родѣ Сиффредіевъ;

Конешабль — мой зять, слѣ-
довашельно не можешь бышь
псдозришельнымь. Я знаю, что
онь невинень, но можешь бышь
другіе шайные виды зашавили
Ваше Величештво арештовашь
его.“ — „Ешьяли ты гово-
ришь со мною опкровенно,
сказалъ Король, по я хочу
также бышь съ тобою оп-
кровеннымь. Ты жалуешся на
здѣланый арешть Конешаблю;
но я не въ правѣ ли еше болѣ
на тебѣ жаловашься? жесто-
кій Сиффреди! ты опнялъ у
меня спокойшвіе услужливо-
стію своею и зашавилъ меня
завидовашь учасши послѣдняго

изъ смертныхъ. Не думай однако найши во мнѣ готовность выполнишь свой планъ; — Констанція никогда не будетъ моею супругою.“ — „Государь! возразилъ Министръ, оставивъ сей бракъ, объявленный торжественно всему народу, вы одни будете виновны, что ожиданіе подданныхъ вашихъ будетъ обмануто.“ — „Для чего поставилъ ты меня въ необходимости обѣщать то, чего я не въ состояніи здѣлать? почему на бумагахъ, данной мною своей дочери, вмѣсто ея имени написалъ ты имя Констанціи; ты зналъ мои мысли и

разтерзалъ сердце своей дочери, выдавъ ее за тавого человека, котораго она не могла терпѣть. Но, что всего страннѣе, какое право имѣлъ ты располагать моимъ сердцемъ въ пользу Принцессы, которой я гнушаюсь? развѣ ты забылъ, что она дочь той жестокой Мапильды, которая, поправъ всѣ узы родства и человечества, заставила отца моего окончить дни въ поносной пемницѣ. Ты мнилъ, что порожденіе такого изверга можетъ быть моею супругою? Сиффреди! ты обманулся; яержде, нежели возженъ бу-

дешъ свѣшильникъ такого
брачнаго шоржесшва, ты уви-
дишь всю Сицилію, обьяшную
пламенемъ, и пепельея будешь
прохлажденъ пролишою кро-
вію.“ — „Что слышу я? вскри-
чалъ Леоншіо; какіе угрозы?
но можешъ бышь моя боязнь
безразсудна и ваша любовь къ
подданнымъ шакъ велика, что
вы не захошите подвергнушь
ихъ шакому бѣдствію и не бу-
дете въ слабосняхъ подобны
другимъ смершнымъ. Государь!
выдавъ дочь мою за Конешабля,
я имѣлъ въ виду то, чтобы
дѣспавишь вамъ вѣрнаго под-
даннаго, который бы предво-

дипельствовавалъ вашими войсками прошивъ всякаго возмущителя. Я полагаю, что привязавъ его сими узами“ — „которыя меня погубляютъ! прервалъ Генрикецъ; жестокой другъ! позволялъ ли я тебѣ располагать моими дѣлами на щепѣ моего сердца? не имѣю ли я столько мужества, чтобы усмирить всякаго, кто осмѣлился восстать противъ меня? я умѣлъ бы наказать и Конешабля, когда бы онъ здѣлалъ возмущеніе.“ — „Государь! сказалъ Сиффреди, вы знаете, что послѣдняя воля Короля была здѣлать васъ на-

слѣдникомъ престола на томъ только условіи, чтобы Принцесса Констанція была вашею супругою.“ — „Какое право имѣлъ онъ дѣлать такое распоряженіе? обязанъ ли онъ былъ такимъ завѣщаніемъ, вснупивъ на престолъ послѣ брата своего Карла? и какъ могъ ты быть столько слабымъ, чтобы согласишься на сіи ограниченія? этого знанія нашихъ законовъ, кажется, для перваго Министра очень недостаточно. Короче сказавъ, мое обязательство дать руку Констанціи, не было добровольное, и потому я не намѣ-

ренъ его исполнять. Но ежели бы послѣ сего Донъ Педро вздумалъ присвоивать себѣ престолъ, то безъ дальнѣйшаго кровопролитія споръ сей можетъ рѣшиться поединкомъ.“ :

Леонсіо боясь, чтобы не разстроитъ болѣе Государя, просилъ только на колѣняхъ даровать свободу его зятю и получилъ ее. — „Теперь ты можешь ѣхать въ Бельмоншъ, сказалъ ему Король; твой зять шотчасъ придетъ туда же.“ —

Министръ побѣжалъ въ Бельмоншъ, будучи увѣренъ, что

зять его не замѣдитъ своимъ прибытіемъ; но ошибся. Генрикецъ рѣшилъ имѣть свиданіе съ Г-жею Бланшъ въ слѣдующую ночь и для того оположилъ освобожденіе изъ-подъ ареста ея мужа до другаго дня.

Между тѣмъ Конешабль перзался ревностію. Здѣланный ему арестъ открылъ его глаза; онъ презрѣлъ присягу въ вѣрности своему Государю и дышалъ мщеніемъ, представляя, что Король въ эту ночь будетъ у его жены. Онъ горѣлъ нетерпѣніемъ заспавъ ихъ вмѣстѣ и всячески старался склонить Палермскаго

Губернатора дасть ему свободу на слѣдующую ночь, увѣряя торжественно, что къ утру онъ непременно возвратится. Губернаторъ, которому извѣстно уже было о дарованномъ прощеніи Конешаблю чрезъ кодашайство Сиффредія, тѣмъ охотнѣе на сіе согласился и даже изъ особенной привязанности своей къ арестованному далъ ему лошадь для проѣзда до Бельмонша.

Конешабль пріѣхавъ туда, привязалъ лошадь къ дереву, прошелъ въ звѣринецъ чрезъ калинку, онъ которой имѣлъ при себѣ ключъ, дошелъ до

комнатѣ своей жены, никѣмъ не будучи примѣченъ, и спрятался въ передней за большія ширмы, дабы примѣчать все, что будетъ происходить, и при малѣйшемъ шумѣ вбѣжать въ спальню. Онъ видѣлъ, что Низа нѣсколько разъ уходила отсюда въ дѣвичью.

Бланшъ угадывая, что было поводомъ такого поступка съ ея мужемъ, не думала уже, чтобы онъ въ эту ночь могъ къ ней возвратиться, и что Генрикецъ безъ сомнѣнія воспользуется симъ благопріятнымъ случаемъ для свиданія съ нею. Она желала видѣть

Короля для того, чтобы показать ему всю непристойность его поступка и пагубныя слѣдствія, могущія отъ него произойти.

Низа ушла, пощаенной ходъ открылся, и Король упавъ къ ногамъ Бланши, говорилъ ей: „не начинайте укоризнъ вашихъ, обожаемая Бланшъ, пока не выслушаете меня. Если Конешабль по приказанію моему содержится подъ арестомъ, то это оставался мнѣ одинъ способъ оправдать себя предъ вами. Вашъ супругъ завтра получитъ свободу и я не буду уже имѣть случая гово-

ришь съ вами. Лишеніе васъ дѣлаеиъ меня несчастнѣйшимъ; но клянусь, я ни сколько въ помѣ не виновенъ.“ — „Государь! сказала Бланшъ; вы умножаете мою горестъ; я чувствую весь ужасъ моей судьбы, давъ руку Конешаблю, я разорвала тѣ узы, кои соединяли меня съ вами; отпмщайте за себя, презирайте неблагодарную Бланшъ.“ — „Жестокая! въ моей ли волѣ изторгнушь изъ сердца топѣ пламень, котораго самая измѣна ваша не можешъ попушипъ. И такъ вы скоро забудете Генрикеца? — „Чего жъ вы

другаго ожидаете, возразила она; не уже ли вы думаете, что вамъ позволено будетъ продолжать ваши свиданія? Государь! жопя я не рождена Королевой, но я не могу посягать на постыдную любовь. Мой мужъ, какъ и Ваше Величество, проиеходитъ изъ почтеннаго рода Анжу и ему обязана я сею честію. Удалитесь, заклинаю васъ; мы не увидимъ болѣе другъ друга, и послѣднія слова произнесены были съ величайшимъ жаромъ и Бланшъ здѣлала шоль неосторожный поворотъ, что уронила подсвѣшникъ и погасила огонь.

Она пошла къ Низѣ, которая еще не спала, чтобы зажечь опять свѣчу. По возвращеніи ея опшуда Король продолжалъ умолять ее не презирашь его любви. Конешабль въ сіе время выбѣжалъ изъ-за ширмъ и бросился въ неистовствѣ къ Генрикецу. „Тираннѣ! говорилъ онѣ ему, ты слишкомъ меня обидѣлъ; не думай, чтобы я спокойно перенесѣ здѣланное мнѣ безчестіе.“ — „Злодѣй! возразилъ ему Король; принявъ оборонительное положеніе, не думай и ты, чтобы могъ исполнить твое намѣреніе, безъ должнаго возмездія.“

Послѣ сего начался между ими поединокъ, шоль опчаянный, что не могъ не окончиться въ скоромъ времени. Конешабль воображая, что на крикъ жены его Сиффреди прибѣжитъ съ своими слугами и будещъ сопротивляясь его мщению, сражался со всею запальчивостію. Въ бѣшенствѣ онъ бросился прямо на шпагу своего соперника, копорая прошла ему до самаго ефеса, и въ минушу паденія его, Король удержалъ свою мечь. Бланшъ, пронутая участію своего супруга, забыла опъращеніе, которое доселѣ къ не-

му имѣла и съ живѣйшею печалію, изображавшеюся на ея лицѣ, силилась поддержать его; но несчастный супругъ не видѣлъ ничего, кромѣ благополучія своего соперника. Чувствуя приближеніе смерти, онъ собралъ остатки силъ своихъ и поднявъ шпагу, которая держалась еще въ рукѣ его, вонзилъ ее въ грудь Бланши — „Умри, преступная жена, говорилъ онъ, ты достойно наказываешься за нарушеніе вѣрности, къ коей узы супружества тебя обязывали и въ которой клялась ты предъ олтаремъ; — а ты, обольсти-

шель, ты не будешь уже наслаждаться моимъ несчастіемъ и я умираю спокоенъ.“ — Окончивъ сіи слова, онъ испустилъ духъ. На лицѣ его, хотя покрытомъ тѣнію смерти, изображалось еще нѣчто звѣрское и ужасное; лицо Бланши представляло совсемъ опличныя черты. Ударъ ея былъ смертельный; она упала на умирающаго супруга и кровь сей невинной жертвы смѣшалась съ кровію ея убійцы, нанесшаго ей смертный ударъ такъ быспро, что Король не успѣлъ отвратить его. Несчастный Государь при

паденіи Бланши поднялъ гром-
кій крикъ, и не менѣе ея по-
раженный ударомъ, похипив-
шимъ ея жизнь, поспѣшилъ
дать ей помощь. — „Ваше по-
печеніе уже бесполезно, гово-
рила она ему дрожащимъ го-
лосомъ; еспьли такая жертва
угодна была судьбѣ, то я мо-
лю, да умягчится ею гнѣвъ
небесъ и да утвердится бла-
гополучіе вашего царства.“

Въ это время вошелъ Леон-
тію, встревоженный крикомъ,
Пораженъ будучи зрѣлищемъ,
представившимся глазамъ его,
онъ стоялъ неподвиженъ, ме-
жду тѣмъ, какъ его дочь, не

примѣчая его приходу, продолжала говорить Королю: „прости Государь, и не забывай обо мнѣ; любовь къ тебѣ и мои несчастія сего отъ тебя пребуютъ; не питай мщенія къ моему отцу, облегчи его скорость и печаль, и отдай справедливость его ревности; но паче всего возвѣспи о моей невинности: это будетъ послѣднею и величайшею для меня милостию; прости, любезный Генрикецъ, я умираю; прими мое послѣднее дыханіе.“ — Она окончила дни, и Король послѣ долговременнаго мрачнаго молчанія

обратившись къ Сиффредію, сказалъ ему: „вопѣ плоды трудовъ твоихъ и усердія ко мнѣ.“ — Побѣдвшій Министръ, пронзенный печалію, не здѣлалъ ему отвѣта.

Я не смѣю описывать того, чего никакой языкъ описать не можетъ. Скажу только, что потѣ и другой предались печальнѣйшимъ жалобамъ, какъ скоро скорбь дозволила произносить ихъ.

Король во всю жизнь хранилъ нѣжнѣйшее воспоминаніе о Г-жѣ Бланшѣ и никогда не могъ согласиться бытъ супругомъ Констанціи. Но вслу-

пленіи ея вѣ бракѣ сѣ Донѣ Педро, оба они употребляли всѣ средства обратити вѣ свою пользу послѣднюю волю Рожера. Но наконецѣ должны были покорити сѣ Генрикецу, побѣдившему всѣхѣ враговѣ своихѣ. Сиффреди, снѣдая сѣ печалію отѣ того, что былѣ виною такихѣ несчастій, удалился отѣ Двора. Онѣ не находилѣ болѣе спокойствія вѣ своемѣ опечествѣ, и сѣ оставшеюся у него одною дочерью, которая называлась Порція, переѣхалѣ вѣ Испанію. Проживѣ тамѣ послѣ кончины Бланши еще пятнадцать лѣтъ,

онъ имѣлъ утѣшеніе за нѣ-
сколько времени до своей
смерти видѣшь дочь свою су-
пругою Донъ Сильвы де Же-
рома.

Новыя книги, продающіяся
въ книжныхъ лавкахъ
Свѣшникова, въ Москвѣ и
въ Санктпетербургѣ.

Письма, мысли и избранныя
творенія Принца де Линя, из-
данныя Баронессою Спаэль-
Голштейнъ и Г-мъ Пропіа-
комъ, въ 4 Томахъ, съ 2
портретами. М. 1809 г. на
бѣл. бум. въ пер. 7 руб.

Леоншина, новѣйшій романъ,
сочин. Г. Коцебу, 4 части,
съ 2 картинками. Спб. 1808
г. въ пер. 8 руб.

Ельвита и Рожеръ, или Робертъ
храбрый, истинная повѣсть,

Ображающая духъ древняго рыцарства, писанная Графомъ де Трессаномъ, знаменитымъ воиномъ и ученѣйшимъ мужемъ въ концѣ XVIII столѣтія: перев. съ Франц. Ал. Никольскаго. М. 1809 г. въ пер. 2 руб.

Сочиненія Волтера: Бѣлый быкъ, истинная повѣсть, почерпнутая изъ древнѣйшей исторіи; Гуронъ или Простодушный; поэма на разрушеніе Лиссабона, перевед. Михайла Ип. Богдановичемъ, съ возраженіемъ на оную, писаннымъ Ж. Ж. Руссо, и поэма естественный законъ. — Спб. 1809 г. всѣ четыре вмѣстѣ, въ пер. 3 руб.

Любовники, сосланные въ Сибирь, или приключенія г-жи

Амильпо
изшешствіе
царспвова
каго; въ 2
мя гравиро
ками. М. 1800

Опець и дочь
слѣдствія обс.
линское сочин. г.
съ картинками. М.
въ пер. 2 руб. 25 к

Рыцари семи горъ, ист.
ское произшешствіе XII
лѣшя. М. 1808 г. — Въ сей
книгѣ изображаются рази-
пельныя черпы великоду-
шія двухъ друзей, ревно-
стное желаніе освободить
Германію отъ насильства и
грабежа, любовь чисная и
непорочная къ милой дѣву-
шкѣ, которая предпочитала
всеобщую пользу собспвен-

Ображающая духъ ^{нть книгу}
наго рыцарства, пи ^{ю. Ясность}
Графомъ де Трессано ^{лутанность}
менимымъ воиномъ ^{хъ и занима-}
нѣйшимъ мужемъ в ^{ка составля-}
XVIII столѣтїя: г ^{достоинство}
Франц. Ал ^{руб.}
М. 1809 г. ^{На бѣл. бум.}

Сочиненїя Во
быкъ, и
почерпну
